

– Ах ты, крыса!

Возглас хозяина застал Васю около фляги с техническим спиртом, из которой он пытался ковшиком извлечь некоторое количество вождельённой жидкости. Застигнутый врасплох на месте преступления, он замер, потом медленно стал поворачиваться лицом к человеку, чей голос ввёл его в ступор. Это был Олег, жгучий брюнет выше среднего роста, плотного телосложения, с причёской «под ноль».

«Будет бить!» – с тоской подумал Вася, но виновато начал лепетать:

– Олег, я ничего..., я просто... попить захотел... фляги перепутал.

– Не ври! Нюх-то у тебя, как у собаки! Фляги перепутал! Ну конечно!

Потом он разразился потоком бранных матерных слов, самыми лёгкими из которых было: «скотина», «козёл», «тварь».

Вася покорно слушал, низко опустив голову, лишь изредка пытаясь что-то возразить, но Олег сразу кричал: «Молчать!»

А затем то, что было страшнее даже физического воздействия:

– Всё, Вася, терпение моё лопнуло! Уходи, ищи себе другое жильё и работу!

– Олег, прости, последний раз, больше никогда, ни капли!

– Я сказал, всё, значит, всё! Иди, собирай вещи и выметайся!

Тяжело переставляя ноги, Вася побрёл в дощатый сарайчик с печкой «буржуйкой» летнего исполнения, в котором он жил последние полгода. Зимой в нём жить было невоз-

можно, но с ранней весны и до поздней осени «буржуйка» давала достаточно тепла и более или менее обогривала это незамысловатое жилище.

Васю одолевали тяжёлые думы, кроме того, похмелье, без которого он себя уже не помнил, сотрясало всё тело, подступала жуткая тошнота, его рвало. Надо было опохмелиться, но не получилось сделать незаметно, а Олег, разозлившись, уже не нальёт ни грамма.

Его все звали Вася. Не Василий, не Васька, а именно Вася. Двадцатилетний, высокого роста, крепкого телосложения, несмотря на тот образ жизни, в котором он пребывал последние лет десять. Когда-то он окончил среднюю школу, жил с родителями, но во время страшного пожара отец и мать погибли. Спасти удалось только его. С сильными ожогами, без сознания попал в больницу, провалялся долго и выписался почти слепым, с изрытым шрамами лицом.

В семнадцать лет остался он практически инвалидом, без родителей, без жилья, без средств к существованию. Восстановить дом не было ни средств, ни опыта. Устроился разнорабочим на деревообрабатывающий завод, от которого получил место в общежитии. Так он жил и работал до «перестройки», когда и начались Васины мытарства... ДОЗ закрыли, из «общаги» выселили.

Вася стал бомжом.

Город «большой химии», в котором обитал Вася, был небольшим и по площади, и по количеству населения. В советское время в нём исправно функционировало несколько крупных предприятий и довольно много мелких. Основными были «Химфармкомбинат», «Сользавод» и основной градообразующий – «Химпром», который за историю своего существования переименовывался несколько раз.

Предприятия начали закрываться одно за другим.

Мужикам с нормальным здоровьем трудно было найти рабочее место, а Васе, с его-то зрением, даже мечтать не приходилось о нормальном трудоустройстве.

Люdiam надо было как-то выживать. И начался расцвет торговли техническим спиртом и наркотиками. Кто-то обзавёлся скотом, и стадо бурёнок гуляло в парке под окнами мэрии, которая ничего не могла с этим поделать. Среди населения началось разделение на бедноту и на обеспеченных. Вот к обеспеченным и начал устраиваться в работники Вася. Он брался за любую, несвязанную со зрением, работу. Оплата велась спиртом, продуктами, иногда деньгами. Ещё живя в общежитии, Вася пристрастился к алкоголю. Постепенно привычка выпивать превратилась в тяжёлую зависимость, он уже не мог не пить, особенно, когда лишился постоянной работы.

Так он попал в работники к Олегу – владельцу небольшого стада крупнорогатого скота и розничному торговцу спиртом. Жил в упомянутом сарайчике и занимался уходом за животными и уборкой территории.

С большим трудом собирал он свои нехитрые пожитки, складывая в клетчатую «челночку» – огромных размеров сумку, которыми пестрели рынки того времени. А время это было то самое, получившее название – лихого.

Выйдя из калитки, Вася остановился, решая, куда же направиться ему дальше.

– Привет, Вася! – вывел из раздумий проходивший мимо Вовка-Перегар. Имени этого парня многие и не помнили. Несмотря на свои двадцать два года от роду, он постоянно находился в полупьяном состоянии, а прозвище Перегар, сначала данное в шутку, приклеилось к нему навсегда. Турчановы жили по соседству с Олегом. Главой их «клана» была баба Лена, так её называли, в этой семье непьющих не было. Сын Николай стал инвалидом, причина – злоупотребление

«пойлом», которое нелегальным путём доставлялось с «Химпрома». Его, как могли, очищали, но в основном употребляли в неочищенном виде с остатками толуола и других вредных веществ. У Николая что-то случилось с ногами, и он оказался прикованным к креслу, в котором проводил все дни. Жена его, Татьяна, тоже беспробудная пьяница, была матерью двоих его детей: Алёны и Вовки. Баба Лена старалась не пить спиртное, потому что, выпив даже немного, она уходила в такой глубокий запой, что приходилось вызывать специальную медицинскую помощь, благо деньгами в семье заведовала она. А жила семья на пенсии бабы Лены и Николая и продажей слабых наркотиков, которые хранили в укромном месте – в будке у огромного пса Дозора. Милиционеры, пытавшиеся поймать семью на продаже запрещённых лекарств, уезжали ни с чем, либо с пузырьком какого-то химического препарата, на котором наркоманы варили свою «ханку». Этот пузырёк хранили специально для отвода глаз правоохранительных органов.

– Привет! – ответил Вася, грустно свесив голову набок.

– Ты чего с сумкой?

– Да, Олег выгнал. Не знаю, куда идти! – Вася вздохнул и добавил, – опохмелиться надо бы, не могу, трясёт всего!

– Ну ладно, пойдём к нам, что-нибудь придумаем.

С этими словами Перегар сгрёб Васину сумку и направился в сторону своего дома. Вася поплёлся вслед за ним.

Войдя в дом, Вовка сказал, слегка покачиваясь на нетвёрдых ногах:

– Баба, Олег Васю выгнал, можно он у нас поживёт?

Бабе Лене шестьдесят шесть, она не добрая, не злая, она – женщина, прожившая тяжёлую жизнь, в конце пути пришедшая к выводу, что её, эту жизнь, надо воспринимать такой, какая она есть. Она, давно уже смирившаяся с пьянством

всех членов семьи, могла спокойно принять и ещё одного пьющего жильца.

– Проходи, чего у порога-то стоять!

Вася оставил сумку в сенях, прошёл в комнату, служившую и прихожей, и кухней. Справа, завешанная шторой большого размера, стояла супружеская кровать Николая с Татьяной. Слева в кресле у телевизора сидел Николай, «с интересом», присущим пьяным, смотрел на Васю. В противоположной от входа стены был дверной проём, ведущий в другую часть дома, где помещалась остальные.

Вася сел на предложенный стул около стола, рядом с Николаем.

– Баба, налей опохмелиться Васе! – попросил Перегар, надеясь, что и ему что-то перепадёт.

Баба Лена сурово посмотрела на внука, но, поняв, что перечить бесполезно, не отстанет ведь, пошла в свою половину дома и вскоре вернулась с полной бутылкой в руках.

И тут, как тараканы из своих щелей, сразу же выползли Татьяна и Алёна.

– Алёнка, жениха тебе привели! – пошутила баба Лена.

Вася, до двадцати шести лет, не знавший ни одной женщины, смутился, опустил голову, закашлялся. Обстановку разрядила Татьяна, схватив бутылку, быстро разлила её содержимое по стаканам, всегда стоявшим на кухонном столе.

Васю поселили в пристрой во дворе, когда-то была летняя кухня, но со временем её захлामीли и забросили. Разобрав эти «авгиевы конюшни», Вася устроился вполне прилично: поставил кровать, стол там был, кое-какую постель принёс Вовка, но, самое главное, там имелась самая настоящая кирпичная печка. Это особенно обрадовало, дело шло к зиме.

Вася так бы и зажил своей привычной жизнью, если бы не одно обстоятельство – Алёна. В свои двадцать четыре

года она знала столько, чего не каждая сорокалетняя знает. Как говорят в народе: «Прошла Крым и Нарым». Она была далеко не красавица, да Вася всё равно в подробностях её внешность не видел, но каждый раз, проходя мимо него, она как бы невзначай то задевала его рукой, то, наклонившись, щекотала его лицо своими волосами, когда он сидел на стуле или на лавочке возле дома. Васю волновали её прикосновения, запах женщины, который он никогда не знал. Постепенно он сдался, влюбился так, что ни о чём больше не мог думать, все думы были только о ней и об открывшемся в нём неизведанном чувстве.

Однажды ночью, лёжа в своей спальне, он услышал, как потихоньку закрипела дверь. Вася насторожился.

– Вася, – тихий шёпот Алёны заставил его мгновенно подскочить с кровати, – ты спишь?

– Нет! – Голос заглушила прилившая к вискам кровь.

Он не ведал, что от него требуется, какие слова надо говорить, но ей ничего говорить и не надо было. Утром они встали супругами без регистрации. Свободному браку свободных людей никакие документы не нужны. Жить у бабы Лены они больше не могли, надо было отделяться.

Жилище они нашли быстро. Знакомые Алёны поселили их в маленьком домике из одной комнаты. Справа у стены стояла печь, слева кровать, у единственного небольшого окошка – стол.

Началась их совместная жизнь. Вася нанимался на работу к зажиточным семьям, получая зарплату прежней валютой, то есть, спирт, еда, сигареты. Приносил каждый вечер это всё домой. Предвкушая выпивку, Алёна весело «чирикала».

– Ой, Вась, ты знаешь, мне сегодня такой смешной анекдот рассказали. Хочешь, тебе расскажу?

– Ну, расскажи. – Великодушно разрешает он.

– Лось пришёл на водопой, а охотник его подстрелил. Лось стоит у воды и думает: «Что такое? Я пью, пью, а мне всё хуже и хуже!» – Алёнка хохочет. Глядя на неё, Васе тоже смешно, хотя он не понимает, почему над этим надо смеяться.

– Садись ужинать.

Алёна быстро накрывает на стол, картошка у неё уже сварена, и они садятся «пировать».

Вася счастлив! Природа наградила его баритоном и абсолютным слухом. Частенько из окон избышки, в которой жила эта пара, раздавались звуки известных песен, звучащих как-то по-особенному красиво в Васином исполнении.

Иногда их вместе брали на покос. Вася косил, Алёна сгребала в копны подсохшее сено. Обычно человек восемь собиралось вечерами у костра. Наловив сетями рыбы, варили уху. Работникам наливали спирт, хозяева пили водку. Вася любовался красотами родной природы. Огромные сосны уходили макушками в небо, а некоторые стояли в темноте каким-то большим тёмным букетом – лохматые, густые. Река казалась неподвижной. Лунная дорожка серебрилась на воде, пропадая вместе с луной, когда та заходила за тучу. Пахло свежескошенной травой, в которой громко стрекотали кузнечики, светлячки мерцали на пеньках, как маленькие звёздочки. Уставшие, умиротворённые, сидели люди у костра, разомлевшие от огня и от спиртного.

Васю просят спеть. Он не ломается, когда у него хорошо на душе, его уговаривать не приходится. Он запекает всем знакомую песню о диких степях Забайкалья, о грустной судьбе бродяги, чем-то похожим на него. Поёт о запахе сирени, о коленях любимой девушки. Его слушают, не перебивая. Это были самые чудесные времена в его жизни.

Так продолжалось месяцев шесть. Вася работал, приходил поздно вечером домой, Алёна его ждала, приготовив ужин.

Иногда она приходила к нему на работу и помогала там по хозяйству. Но постепенно он перестал заставлять Алёну дома, она куда-то уходила, приходила всегда пьяная, ужинов уже не было. Иногда он её находил и приносил домой. Вася не ругался. Он уже прекрасно понимал, что такое алкогольная зависимость. Знал, что женщине труднее бороться, чем мужчине.

Он ещё сильнее начал любить её, к любви примешалась щемящая жалость. Он понимал, что ничем не может помочь и от этой беспомощности становилось совсем тяжело. Ночью, глядя ладонью её волосы, он шепчет:

– Алёнушка моя любимая, солнышко моё, радость моя, единственная моя,— где он взял эти слова, где их слышал, он и сам не знает. Слова идут от сердца.

– Лёна, ну прекрати ты сшибать рюмки, дождись меня, вечером выпьем вместе! – уговаривает он её. Но это бесполезно.

– А что, я не могу выпить, не могу сходить в гости?! Ты что, привязал меня к этой халупе? – пьяно сопротивляется она.

Он тоже начал пить сильнее. Всё чаще приходил в сильном опьянении в холодный и пустой дом.

Так они прожили год. Вася работал на хозяев иногда вместе с Алёной. Она убиралась в домах после ремонта или полола грядки за небольшую плату, осенью копали картошку в чужих огородах, получая плату тоже картошкой. Всё шло хорошо, по их понятиям.

Беда пришла, откуда её не ждали. Ослабленный алкоголем, курением, неполноценным питанием организм Алёны не выдержал, она заболела туберкулёзом, причём в какой-то последней стадии. Убитый горем Вася ходил, понуро склонив голову, его одолевали тяжёлые думы. Мысль, что он может потерять самое дорогое в жизни, сводила его с ума. Окружив подругу ещё большей заботой и вниманием, он с отчаянием

замечал, как она тает у него на глазах. Не будучи красивым от природы, Алёнино лицо приобрело землистый цвет с лихорадочным румянцем, она стала сильнее кашлять. Раньше считали, что из-за курения. Её увезли в больницу, но было слишком поздно. Никакое лечение уже не могло её спасти. Однажды, вернувшись с работы, он узнал: Алёны больше нет!

Как раненый зверь, катался он по двору и кричал. Кричал так громко и так страшно, что сбежались соседи.

Похоронив Алёну, Вася пустился во все тяжкие. Он пил беспробудно, надеясь, что заразился от любимой и уйдёт вслед за ней. Но организм его оказался крепким, не поддавался. Он стал хуже работать. Оплату брал только спиртом. Начал воровать деньги у своих работодателей, наделал кучу долгов. Боясь, что могут обыскать, он начал прятать ворованные деньги в своём теле. Его избивали. Синяки не сходили с Васиного тела, особенно сильно страдали и без того больные глаза. Народ бывает жестоким порой, особенно, когда самому живётся не сладко.

Примерно за месяц до Нового года Васю перестали видеть «в стельку» пьяным. Он выпивал, но слегка. Работу просил оплачивать только деньгами. Ходил угрюмый, разговаривал мало.

Декабрь подходил к концу, приближался Новый год. Вася ходил по дворам и раздавал долги. Народ удивлялся: «Надо же, за ум взялся!»

Вася повесился во дворе домика тридцать первого декабря под бой курантов. Новогодние салюты, которые раздались вскоре после полуночи, прозвучали символическим залпом по поводу окончания его такого короткого и никчёмного существования.

Люди встречали праздник, выходили на улицу поздравить друг друга, повсюду звучала музыка, весёлый смех и визг ребятишек.